

ВСПЛОХИ

О Сергее Юрском вспоминает художественный руководитель **Старооскольского театра для детей и молодежи им. Б.И. Равенских Семен Лосев.**

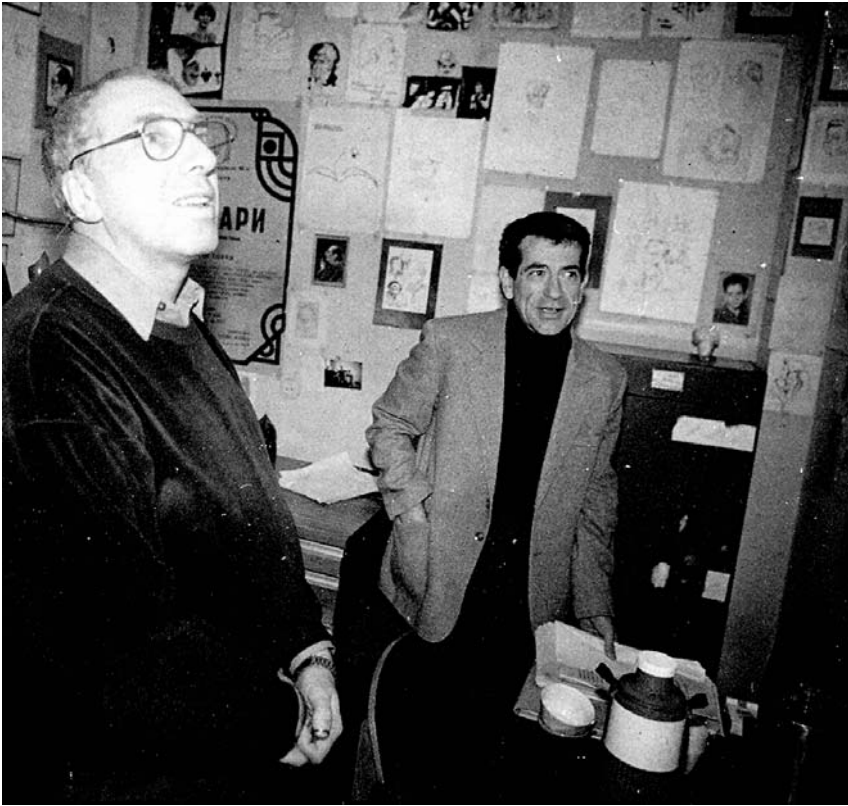
Несмотря на то, что я почти все 70-е стажировался в БДТ, мне не удалось видеть, как репетирует **Сергей Юрьевич Юрский**. Все знаменитые роли в театре, которые я видел многократно — **Чацкий** в «Горе от ума», **Адам** в «Божественной комедии», **Часовников** в «Океане», профессор **Полежаев** в «Беспокойной старости», **Илико** в «Я, бабушка, Илико и Илларион», **Эзоп** в «Лисе и винограде», **Виктор Франц** в «Цене» **Артура Миллера**, **Король Генрих** в **Шекспире**, **Мольер** в булгаковской пьесе — были уже сыграны.

О Сергее Юрьевиче написано и показывается по телевидению столько, что я вряд ли могу что-то добавить.

Может, какие-то детали, штрихи.

Мне посчастливилось в 1962-м увидеть премьеру «Горе от ума». У меня друг — сын актрисы, поэтому была счастливая возможность попадать в БДТ. Занавес, знаете, как открывался? Не вверх, не в стороны, а вот так, исчезал по диагонали. И в воздухе писало перо — «Черт меня догадал с умом и талантом родиться в России». Всегда «Горе от ума» было черно-белым. А тут — буйство красок. Вся труппа на сцене, сверху донизу, замерла, будто манекены. У нас историю костюма читали в подвалах Эрмитажа. Старушка ругалась: «В БДТ эпоха смещена! Вот какие должны быть фрак! Вот какие платья! А у Товстоногова цветник! Безобразия!» А Товстоногову надо было сбить каноны, смахнуть пыль со старой пьесы и прочесть ее, как новую. Персонаж — позиция: как дальше жить? Черно-белая гамма сужала поле, не давала выразить палитру самого Грибоедова. Товстоногов в решении костюмов сместил эпоху, но остался верен духу автора. Но главное — это общение через зал. Вы помните у Пушкина — он не любил пьесу Грибоедова, считал, что Чацкий мечет бисер перед свиньями. А Товстоногов придумал элементарный ход,

оказавшийся гениальным! Не Фамусову, не Молчалину, не Скалозубу, а в зал! И как просто был задан этот закон. Оживал старичок со свечой: «Сегодня мы впервые показываем пьесу господина Грибоедова «Горе от ума». Действующие лица: Фамусов... и так далее». Оживали и уходили. И вот эти заданные условия игры последовательно, логично и неожиданно позволяли бороться не между собой, а за мнение зрительного зала. Тут нужно помнить, что это были времена последнего периода правления Хрущева, погрома выставки художников-модернистов, да и писателей, крика с трибуны на Андрея Вознесенского: «Он, мол, гордится, что не член партии. Пожалуй-ста, можем помочь убраться из страны!» Какую же безоглядную смелость проявил Товстоногов! Мне кажется, этим приемом он закрыл решения всех последующих постановок «Горя от ума». Если не через зал, то Пушкин прав — «бисер перед свиньями». А если через зал, то плагиат. Как же это было точно! Вот сейчас Фамусов что-то скажет. Но он не торопится. Маленькая пауза. Полицеймако выходит на авансцену и, мол, вы же меня понимаете, интимно так, органичным басом: «Собрать бы книги все и сжечь». Аплодисменты. Потихонечку, потихонечку нарастая и до бури! Или точно так же Юрский-Чацкий. Пауза. Выход. И вопрос: «А судьи кто?» Вдруг с ужасом стал понимать, что это подпольная антисоветская пьеса. Партер поначалу в страхе молчит. А с галерки и балконов овация, да такая, что не давали играть. Или, например, сцена Чацкого и Молчалина. Не между собой, а к зрителям. Чацкий: посмотрите на Молчалина, какие там думы о переустройстве России? Очаровательный приспособленец, примитивнейший образ мыслей, неужели с такою мелкою душою любим? Молчалин: ну посмотрите на Чацкого, вроде, симпатичный человек, но сгорит, жал-

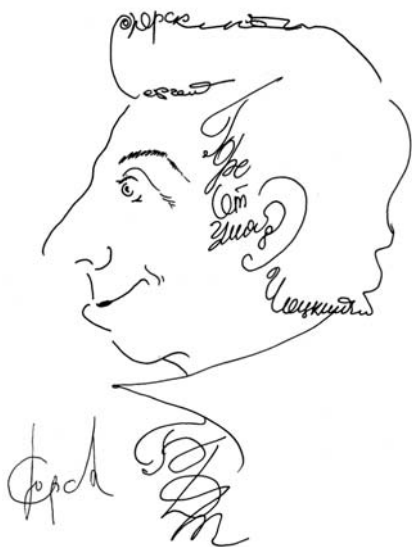

С. Юрский и С. Лосев. Рига. 1995

ко его — идеалиста, чем бы помочь? Но что творилось в зале? Буря! Политический капустник на основе классики! Это был спектакль-взрыв! Общество раскололось на защитников Юрского и противников! По радио в прямом эфире диспуты о спектакле. По телеку все время скучнейший фильм-спектакль со стареющим героем Царевым, а тут молодой, неуклюжий, бунтующий, живой Кюхля. Извините, какой такой неуклюжий? А это знаменитое падение Юрского в конце спектакля? До сих пор не могу понять, как он это технически делал? Раз — и лежит. Как статую уронили. Мгновенно. Ни одного лишнего движения. Ни ногами! Ни головой! В зале: «Ах!» и разгадывали: «Подушка, что ли, в паркете, чтоб затылком не ударился?» А потом, приподнявшись, сидя на полу, слуге: «Карету мне».

Слуга ухо к нему, мол, что? И Юрский тихо, как другу: «Карету». И до двери Чацкого — сломленного, на грани инфаркта — провожал слуга. А в зале черте что! Люди в голос: «Чацкий повержен? Как это так?», «Да что себе БДТ позволяет? Чацкий всегда уходил с поднятой рукой вверх, в знак победы!» А мы — молодежь — никого не слушая, срывали голоса: «Браво!»

Этот спектакль — не просто удача, не просто театральное событие, где гармонически все сошлось: и ответ А.С. Пушкину товстоноговским решением, и идеальное распределение, воплощение, — это беда. Беда для тех режиссеров, кто хочет поставить грибоедовскую пьесу. Кто хочет сыграть Чацкого. Так не бывает на театре, но так случилось — тема оказалась исчерпана, закрыта. Надолго ли?

Сергей Юрский — Чацкий

Сергей Юрский — Остап Бендер

Сергей Юрский

Сергей Юрьевич Юрский с автографом

Недавно в интернете наткнулся на сохранившуюся с 60-х годов радиопередачу «Вокруг Чацкого». Фрагменты записи 5-го представления спектакля БДТ «Горе от ума». Скачал, слушаю и ничего не понимаю. Сколько времени прошло? 57 лет. Как же так? Театр же развивается. Способ общения должен, просто обязан стать архаичным. Но никакой архаики не слышу. Абсолютно современное звучание. А лучшего Чацкого, чем С.Ю. Юрский, нет.

Сейчас, посмотрев фильмы, где снимался Сергей Юрьевич, услышав, как его голосом говорит Жан-Поль Бельмондо или Челентано, трудно поверить, что в юности у него при явных способностях — он блестяще сыграл **Хлестакова** в знаменитом студенческом театре Ленинградского университета, — была ужасающая дикая.

Даже, когда в БДТ он играл Чацкого, критики указывали и Юрскому, и Товстоногову на этот вопиющий недостаток.

Юрский услышал сумму претензий, и, что называется, стал делать себя.

Он не просто занимался специальными упражнениями — камни во рту, скороговорки и т.д., он — начитаннейший человек — стал выбирать близких по духу, по мировоззрению авторов для будущих чтецких программ. Прежде всего, Пушкин. Начало 60-х. На телевидении в прямом эфире, то есть без дублей, каждую неделю он в ризованных декорациях с небольшим реквизитом пушкинских времен читал, нет, разыгрывал главу за главой «**Евгения Онегина**». Представляете, почти ежедневно играя главные роли в театре, снимаясь в кино («**Человек ниготкуда**», «**Черная чайка**»), он за неделю готовил главу из поэмы, которую называли «Энциклопедий русской жизни»?! Какую надо иметь память? Какой актерский кураж! Какие нервы! И какой дар сочинительства, чтобы в минимальных условиях увидеть себя со стороны и высчитать выразительную мизансцену? А работа над произношением французского?! Изучение эпохи до погружения в нее. Ночь в Михайловском при разрешении директора музея Семена Степановича Гейченко.

У Юрского уникальная память, Товстоногов назвал ее «фотографической»! Он читал сходу, без дублей! И все было не то что без белых ниток, без единого сбоя — это само собой! Было чудо соединения эпох. Пушкинские стихи звучали современно. Мы откладывали дела, сбегались, усаживались у маленького экрана телевизора «Ленинград Т-2», потому что увиденное завораживало! Кто-то из критиков справедливо сказал, что эту работу можно занести в книгу рекордов Гиннеса.

Но оказалось, Юрский не просто сделал чтецкую программу. Он работал. Впрок. Булгаков, Бабель, Есенин, Пастернак, Алан Милн, Бернс, Шукшин, Жванецкий, Хармс и еще десятки авторов. Юрский пока еще для себя создавал программу жизни. И когда вдруг в БДТ случилось ЧП, зрители пришли на «Эзопа», а он не мог состояться, потому что актриса не явилась на спектакль, Юрскому предложили сходу устроить чтецкий вечер. У каждого в жизни бывает шанс. Вопрос: как ты к нему готовишься?

Юрский завелся. Два часа читал. И его не отпустили! «Еще, еще!» Есть зрители, которые вспоминают этот вечер, как ярчайшее событие.

— «Эзопа» мы сможем еще увидеть, а вот такой вечер раз в жизни!

С этого времени ему были открыты двери всех ленинградских площадок для концертных вечеров. И уже его дикцию стали ставить в пример. Нам. Студентам.

Потом, уже как режиссер, Юрский снял на телевидении с тогда еще молодым, а теперь всемирно известным артистом балета Михаилом Барышниковым «**Фиесту Хемингуэя**». Но Барышников сбегал за границу, и эта лента была запрещена к показу. Это сейчас она является учебником в театральных институтах на отделении телевидения. А тогда закрытый показ, доносы, и Юрского впервые коснулась опала. Потом поток оскорбительных, заказанных властями рецензий, когда в кино родился его, на мой взгляд, лучший **Остап Бендер** в фильме **М. Швейцера «Золотой теленок»**. Власти ждали от Швейцера легкой комедии, а получился иронично-грустный фильм о

Александр Ширвиндт

том, что талантливому человеку нет места в рядах строителей светлого будущего нашей страны. Фильм был для системы опасный, и зрителей стали уверять, что он просто слабый. «Мы поверили, что в нашем фильме многое не получилось. Но по прошествии времени появилось чувство, что что-то значительное сделали. Нет, Остап — не мелкий хулиган, он мечтатель», — сказал на встрече со студентами Сергей Юрский после выхода фильма Леонида Гайдая «12 стульев». Да, в гайдаевской ленте было множество трюков, но не было темы таланта главного героя, снятого в странном сочетании: Остап — Арчил Гомиашвили в дубляже Юрия Саратцева. И по рассказу Арчила Михайловича, который сказал Гайдаю: «Если бы я знал, что ты снимешь такое г..., я бы не стал у тебя сниматься», — их пути разошлись. Многим нравится, как Андрей Миронов играет Остапа в захаровском сериале, но с моей точки зрения его сбил Ширвиндт. Александр Анатольевич сам мечтал сыграть Остапа. Но поскольку выбор режиссера пал на Миронова, он сказал, что подарил другу свою трубку и... потухший глаз. А у Остапа

не может быть потухшего глаза! Остап, — я согласен с Юрским, — мечтатель! Посмотрите на глаз Юрского!

В Питере, тогда Ленинграде, Юрского боготворили. Но боготворили зрители, а не власти. Творческие встречи с Сергеем Юрским всегда шли на аншлагах. Между чтением Пушкина, Шукшина, Жванецкого он отвечал на вопросы. Отвечал умно, честно, образно, хотя порой вопросы были провокационные. И, как рассказывают, однажды сказал что-то такое, чего в то время вслух, тем более, публично было говорить опасно. Первый секретарь Обкома партии Григорий Романов приказал не допускать Юрского ни в кино, ни на телевидение. Было буквально дано указание: носа Юрского на телеэкране не должно быть. Однажды Юрского вымарали из передачи «Театральные встречи», но его нос с левой стороны кадра остался. И редактор, дрожа от страха, действительно ждала увольнения. Шло вытравливание Юрского из города. Практически Юрский доигрывал, прощаясь с БДТ.

Сейчас по телевидению промелькнуло, что Юрского травил и Товстоногов. Это такая неправда! 1976 г. Так получилось, что я каждое утро этого года в БДТ. Репетируются «Дачники» Горького. Наталью Тенякову, жену Сергея Юрьевича, назначают на главную роль, Юрский получает одну из значительных, но тем не менее он уходит из театра. Если бы Товстоногов хотел его ухода, он бы предлагал ему работу?

Товстоногов любил всех своих артистов. Гордился собранной, лучшей в СССР труппой. Но Юрский был самым любимым.

Сидя на репетициях позди чуть слева от Товстоногова, был невольным свидетелем, как к нему однажды подсел Юрский. У него была сломана ключица...

Это произошло на показе спектакля «Фантазии Фарятьева» автору Алле Соколовой. Нас, несколько стажеров, пустили в зал. Шел закрытый показ. Играли Юрский, Наталья Тенякова, Зинаида Шарко, Нина Ольхина. И еще прекрасная дебютировала в роли младшей сестры новая молодая актриса Светлана Крючкова.

С. Юрский и С. Лосев. Рига. 1995

Это был настоящий ансамбль. Состоялся сговор об особом способе существования, которого доселе не было в БДТ, подданный не только новой драматургией, но и режиссурой, и педагогикой Сергея Юрьевича. Потом вышел фильм «Фантазии Фарятьева» с Марией Владимировной Мироновой, с Андреем Мироным. Но мне по сравнению со спектаклем Юрского, фильм показался медленным, унылым. А тут легкий, стремительный ироничный абсурдизм отношений, который пронесил спектакль на одном дыхании.

В конце спектакля у героя Юрского от неожиданного известия сердечный приступ. Он решил сыграть его не банально. Падение, тут же подъем и долгий-долгий бег по кругу. Потом кресло. И только тут становится понятным, что это был приступ.

Сколько раз в «Горе от ума» Юрский в конце спектакля падал навзничь, не дергая ни руками, ни ногами. Падение — и будто застывшее фото. Весь театральный Ленинград гудел: «Там какие-то в полу подушечки встроены. Иначе так виртуозно не упасть». Как он это делал? Загадка, его личная тай-

на. Юрский с детства воспитывался в цирке, видел, какой это труд, и постоянно занимался спортом, мечтал стать клоуном, придумывал трюки.

Чацкого в БДТ должен был играть Смоктуновский. Но, уникально сыграв в «Идиоте» князя Мышкина, он ушел в кино. Сниматься в «Гамлете».

Юрского назначили неожиданно. За 20 дней до премьеры. Все, кроме Товстоногова, считали это распределение сумасбродным, провальным. Чацкий по традиции красавец, герой-любовник. А тут Кюхельбекер какой-то. Это было вне всяких традиций постановки. К тому же цейтнот. Юрский и Товстоногов работали в связке, как альпинисты. Им нельзя было совершить ни одной ошибки при восхождении.

Когда через несколько лет на роль Чацкого решили ввести Владимира Репецера, тот подошел к Юрскому и попросил передать секрет падения.

Юрский ответил: «Я очень люблю эту роль, слишком дорого она мне далась, но не возражаю против твоего ввода. Как я могу возражать? Вводишь, играй, но секре-

Наталья Тенякова

та падения не открою». Рецептер пошел к Товстоногову: «Я не умею так падать. Давайте в моем исполнении отменим падение». Товстоногов ответил: «Но тогда меняется решение всего спектакля. Нет, это не годится. Учитесь падать, как Сережа».

И вот в спектакле по пьесе Аллы Соколовой еще одно, более легкое, чем у Чацкого, падение. Я видел, он упал на руку. Толчок. Снова на ногах. И бег.

Все это репетировалось, как рассказывали, многократно. После бега кресло. Финал спектакля. И вдруг крик Теняковой, жены Юрского: «Сережаааааа». Паника. Вызов «Скорой»... Оказывается, от волнения перед автором, произошел какой-то сбой. Падая, Юрский сломал ключицу, но доиграл до конца, бегал-бегал, а потом в кресле потерял сознание.

Отменялись спектакли, где был занят Юрский. Летел план театра, где всегда все билеты были проданы.

И вот Юрский с повязкой на руке подсел к Товстоногову.

И как он просил не отменять спектакль «Беспокойная старость», где он играл профессора Полежаева. Юрский рассказывал, что он придумал, чтобы перелом вошел в роль.

— Но вы там играете в четыре руки с Эммой на фортепьяно.

— Мы сыграем в три руки. Этой я смогу играть. Мы уже репетировали. Получается.

Надо было видеть в этот момент Товстоногова: «Ну, что же, Сережа, при дежурстве врачей — мы это организуем, — и при вашей осторожности, давайте попробуем». И сыграли. Анатолий Эфрос написал, что роль старика Полежаева, сыгранная 35-летним Юрским, самая сильная его работа. А с кем он вступал в соревнование? С самим Черкасовым. Обласканным Сталиным. Николай Константинович играл эту роль в фильме «Депутат Балтики». И, как и Юрский, тоже в 35 лет.

Начали репетировать. Первый этап был без Товстоногова. Вдруг вбегает Юрский: «Я не могу говорить этот текст. Он архаичен. Текст против интеллигенции. Тут чистый 37-й год». Потихонечку пьесу сократили, переписали, очеловечили. Было прекрасное трио. Старики: Сергей Юрский — Полежаев, Эмма Попова — его жена, и их спаситель — Олег Басилашвили — Бочаров. Автор Рахманов приехал на премьеру, увидел, какой успех и... с радостью подписался под всеми изменениями.

В коллективе БДТ Товстоногова к Юрскому ревновали. Их пытались разделить. Столкнуть. Юрский начал ставить. Товстоногов считал, что режиссерская про-

С. Юрский
и Вс. Мейерхольд

фессия уведет Юрского в рационализм. Он потеряет артистическую непосредственность. Но продолжал разрешать заниматься режиссурой. И Юрский поставил выдающийся спектакль — булгаковского «Мольера». Товстоногову нашептывали: «Георгий Александрович, а разве могут быть в одном театре два театра?» В чем-то Товстоногов был согласен. И в то же время считал режиссуру Юрского, как он сказал на встрече со зрителями, «дуновением свежего ветра», то есть явным признаком одаренности.

До чехословацких событий успел получить звание заслуженного артиста, но после стали травить власти. Обком. Романов. Запреты снимать в кино, на телевидении, давать концерты. Все лидеры БДТ в середине 70-х получали звания народных, о Юрске приказали не упоминать.

Товстоногов однажды перед репетицией: «Читали сегодня «Известия»? Там о Сереже, в общем-то наконец-то хорошие слова...»

Как просил не уходить совсем, искал компромисс, а не взять ли на какое-то время академический отпуск?

Сестра Товстоногова рассказывала мне впоследствии, что уход Юрского, переезд в Москву был для брата мощным ударом. Он считал, что не все компромиссы исчер-

паны. Замкнулся. И о Юрске более старался не говорить.

Если спросить мое мнение, а я в нем абсолютно уверен, единственный человек, который мог руководить БДТ после ухода из жизни в 1989-м году Г.А. Товстоногова, единственный режиссер, кто не развалил бы труппу, театр, а сохранил его лучшие традиции, Мастер, который впитал в себя товстоноговское наследие, предложил бы новый виток программы — это, конечно же, был Сергей Юрьевич Юрский. Но что-то не сошлось. Как ни просил Олег Басилашвили: «Пусть Сережа поставит у нас спектакль, он знает актеров от и до», — худрук театра Кирилл Лавров ответил с экрана телевизора: «Мнения разделились, многие члены худсовета против».

И вот еще в 74-м, еще до ухода из БДТ, несколько спектаклей, поставленных Товстоноговым, мы смотрели с Юрским вместе, сидя почти рядом. И я быстро-быстро делал черновые наброски. Но тогда дать ему на подпись черновики не осмелился.

Потом несколько раз в 90-х он гастролировал в Риге, в Рижском театре русской драмы, был у меня в кабинете, стены которого были в рисунках его коллег. И расписался он на портрете 1974-го года через 18 лет.

Гримерка Юрского

Ну, и, наконец, еще одна история рисунка. У нас в стране был режиссер, которого в 30-х годах считали лучшим режиссером мира. Это Всеволод Эмильевич Мейерхольд. Великая режиссура, уникальная школа, арест, лагерь, письмо Молотову: «Я старик. Прикажите, чтобы меня не били жгутом по пяткам». До сих пор ни одного фильма о судьбе Мейерхольда. А сыграть его так, чтобы можно было поверить — это действительно Мейерхольд, — мог бы, как мне представлялось, только Сергей Юрский.

11 февраля 2019 г.

Не могу прийти в себя. Слишком много, хотя и совершенно косвенно, связано с Сергеем Юрьевичем в прошлом.

У меня дома чудом сохранившаяся афиша «Гамлета» — дипломного спектакля курса С.Ю. Юрского. Он играл Клавдия.

Я боялся его. Боготворил и боялся. Рига. 90-е. Гастроли.

Ингмар Бергман «После репетиции» (Он, Наталья Максимовна Тенякова, Дарья Юрская), Достоевский «Село Степанчиково» (Он — Фома Опискин). «Железный класс» (Он, Ольга Волкова, Николай Волков). Чтецкий вечер в двух отделениях.

Человек с такой эрудицией, с фотогра-

фической памятью, с идеальным знанием французского, с объемом мышления, вгонял меня в трепет. Я просто оцепенел, когда мы с ним около часа были в моем кабинете в Риге. Он смотрел на рисунки актеров БДТ и что-то комментировал. Я, заикаясь, вспоминал, как много раз был в его гримерке, знаменитой гримерке Юрского, Басилашвили и Гаричева.

Анатолий Гаричев — артист и художник — собирался поступить ко мне на заочный курс в институт Культуры, а Олег Валерьянович, лежа на диване, его отговаривал.

До сих пор прокручиваю, какие вопросы, волнующие меня, я мог бы Сергею Юрьевичу задать.

Что такое, с его точки зрения, ритм? (Его точка зрения резко отличается от товстоноговской).

В чем, с его точки зрения, развитие театра? Может ли театр развиваться так, как развивается техника? Или у театра свои законы? Какие?

В чем суть анализа абсурдистских пьес? Он ищет смысл, логику или нет?

Как он угадывает совершенно различный ритм стиха одного поэта, второго, третьего?

Олег Басилашвили

Почему, когда он читает Бродского, я вместе с ритмом понимаю суть? Когда читает Бродский, слышу только ритм?

Как он падал в финале «Горя от ума»? До сих пор никто не понимает, как он это делал? Почему, умея так виртуозно падать, сломал ключицу, падая в спектакле «Фантазии Фарятьева»? (Я был свидетель.)

В чем суть спора с Товстоноговым о трактовке роли Тузенбаха? (Там, судя по репликам из документального фильма, было какое-то мощное несогласие. И я, кажется, разгадал его суть. И надо было спросить, проверить себя.) Он же был недоволен результатом, писал об этом в одной из своих книг.

Это только первые вопросы. У меня их к нему тьма. Но я оцепенел и молчал.

— СМ, а пойдёмте в зал, посмотрим репетицию моего соученика, вашего главного режиссера.

Сидеть и смотреть, как главный режиссер Б. проваливает спектакль с беспомощной актрисой-любовницей, слабостью, как открыто говорил сам режиссер, его последних лет? Сидеть и смотреть на это рядом с Юрским?

— Нет уж, Сергей Юрьевич, увольте.

Он ушел, а я потерял единственный шанс задать ему те вопросы, которые волнуют

до сих пор.

Он один из первых, кто создал антрепризный театр. И сейчас говорит, что антрепризный театр — гибель для традиционного драматического театра.

Он первый, кто осмелился перенести «Игроков» Гоголя в сегодняшний день. Логично, обоснованно, ни одного прокола. Был не просто разгром критикой спектакля, был погром.

Юрский улыбаясь, сказал по телевидению: — Это случай, когда вся критика ошиблась... Да, такое бывает.

После этого все, кому не лень, стали переносить классику в сегодняшний день. При абсолютно повсеместной алогичности. Никого не смущает. Наоборот. Стало традицией.

Я уверен, что именно Юрский, только он мог продолжить развитие БДТ и в сохранении традиций, и с новыми идеями, в новом качестве. И история всего театра была бы иной.

Весь конфликт в БДТ, который все трактуют, как конфликт с Товстоноговым, который не терпел около себя талантливой режиссуры — ну такая примитивщина. Все сложнее, запутаннее. Но так или иначе, Юрский не вернулся в БДТ.

У меня есть своя точка зрения, почему это не случилось. Там замешано много великих фамилий. Юрский — человек такта, он никогда не сказал бы о этом правду, потому что не хотел никого оскорблять.

И О.В. Басилашвили — его многолетний друг — не расскажет правду. Но по одной его реплике ясно, как все было сложно.

Басилашвили: «Видите мой портфель? Он черный. Вот Товстоногов был таким, когда Сережа ушел из БДТ».

8 февраля 2019 г. было много передач с Юрским, о Юрском. Многие видел раньше. У меня на дисках не просто часы, а дни видеолента о Товстоногове, о Юрском. Неожиданно для меня о нем, но только как об актере точно сказал Гинкас:

— Со времен Михаила Чехова не был такого актера...

Да, Михаил Чехов, наследуя Станиславского и в споре со Станиславским, создал

Афиша дипломного спектакля С. Юрского

свое учение о том, как сделать из себя артиста. Михаил Чехов был запрещен у нас. Но только теперь, когда он издан, понимаю, что и Товстоногов его тайно читал и кое-что давал нам в лекциях, а уж Юрский знал его от и до и впитал в себя как артист его метод. Юрский взял все от Чехова и сделал себя артистом такой высоты, к которой не знаю кто и когда сможет приблизиться. Это и замечательно, и опасно. С таким актером бояться работать режиссеру. Он приходит в работу с решением спектакля и своей роли в общем решении. Спорить с ним бесполезно. Или принимать все им предлагаемое или не брать его в работу. Такой актер-режиссер по сути обрекает себя на одиночество. И если он сам не находит для себя идеи, не создает театр вокруг себя, то пропадает. Чехов пропал, вне России, без своего зрителя, ему трудно было не пропасть, хотя в России Михаила Чехова мгновенно уничтожили бы, как класс. Не пропал Сергей Юрьевич Юрский. Ни в одну из эпох!

Г.А. Товстоногов в последние годы жизни, в конце 80-х, сказал, что театр с его точки зрения ждет длительный период океана пены. Пены, в которой будут тонуть критерии. Плохое будет выдаваться за хорошее, хоро-

шее тонуть в этой пене. И будет это продолжаться до тех пор, пока в театральном пространстве не появятся новые явные лидеры. Прошло 30 лет.

Предсказание Товстоногова о потере критериев сбылось, а Юрский определил суть этого процесса.

«Искусство потеряло гордость: оно пытается догадаться, что хотят те, кто платит деньги, кто сидит в зале». И еще Сергей Юрьевич недавно сказал, что несмотря на то, что лично он не обделен зрителем, судя по общей тенденции, драматический театр, которому он служил всю жизнь, сегодня в силу разных причин умирает. Его пространство сужается до минимума, его все более и более занимают другие виды искусств, шоу, мюзиклы, встречи со зрителями и т.д. Что остается? Всполохи. То тут, то там будут вспыхивать такие яркие театральные явления, которые дадут надежду, что еще не все для драматического театра потеряно.

Так вот. Все творчество Сергея Юрьевича — это и есть и высота не потерянных критериев, и самые яркие всполохи драматического российского и мирового театра, во все эпохи его жизни.

Рисунки автора